

Сергей Константинович Маковский
Александр Добролюбов
(Глава из книги "Портреты современников")

Date: 29 апреля 2008
Изд: С.Маковский. "Портреты современников".
М., Издательский дом "XXI век -- Согласие", 2000.

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

Сергей Маковский

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ

Сергей Маковский (1877-1962), блестящий эссеист, известный историк искусства, организатор множества выставок, критик, возглавлял вошедший в историю русской культуры журнал "Аполлон". В своей книге, впервые выходящей в России, он дает достоверную картину огромного пласта отечественной художественной культуры на сломе эпох.

После того как не перевели меня из старшего приготовительного в шестой класс Лицея, я попал к Гуревичу -- "реалистом", несмотря на успехи мои по латыни: в Лицее не учили греческому. Позже, чтобы поступить в университет, пришлось оба языка сдать дополнительно с особого разрешения министра. Всю классическую премудрость, вплоть до Горация и Геродота, я более или менее осилил, занимаясь дома, и благополучно выдержал экзамены (при восьмой гимназии) уже будучи вольнослушателем университета.

Упоминаю об этом, чтобы пояснить, отчего моими друзьями из "гуревичей" оказались не реалисты, а гимназисты: нас сблизили тени античного мира, поэзия, искусство; реалисты -- те мечтали о карьере инженеров. Впрочем, "реальная" программа отвечала моей тяге и к естествознанию: на физико-математическом факультете, избрав естественное отделение, я сосредоточился на ботанике и зоологии. Мне казалось, что остальные науки узнаются и так, а для естественных необходим университет... Затем, определившись уже на службу в Государственную канцелярию, я продолжал посещать университет в качестве вольнослушателя-юриста и даже держал несколько переходных экзаменов (начались тогда же и мои занятия по истории искусства, отвлекавшие в сторону и от природоведения и от юриспруденции).

Вернемся на угол Бассейной и Лиговской улиц к "гуревичам". Товарищеская среда в учебном заведении, взлелеянная неусыпными трудами Якова Григорьевича Гуревича, резко отличалась от среды Лицея, где преобладали барчуки из чиновного дворянства. Яков Григорьевич -- маленький, толстенький, седенький, гладко выбритый (только смешно торчали седые бачки колбасками) -- гордился тем, что ему поручает детей отборная интеллигенция (он произносил "интэллигенция", "литэратура"); за его гимназией утвердилась репутация питомника полупривилегированного типа... Конечно, Яков Григорьевич, доживший своими связями в радикальных кругах, не делал различия между благороднорожденными и простыми смертными (хоть и гнался за именами ученых, писателей, артистов, как Устрялов, Михайловский, Вейнберг, Забела, Стравинский, Абаз, князь Тенишев), но все-таки кичился он тем, что ему доверяли сыновей сам граф Сергей Дмитриевич Шереметев и княгиня Юсупова... Соответственно подбирались и преподавательский персонал: географии учил генерал Пуликовский, русскую литературу преподавал А. А. Витберг (родной сын неудачливого гения-строителя и масона времен Александра Благословенного), уроки истории Гуревич делил с блестящим доцентом-одноручкой Форстеном (в конце 90-х годов он получил университетскую кафедру), а наш немец был популярный переводчик Лермонтова и Алексея Толстого -- Федор Федорович Фидлер. Большое внимание уделялось урокам рисования, лепки и пения.

Но особого рвения к наукам, надо сказать, благодушно-либеральная педагогика Гуревича у его питомцев не возбуждала: в иных казенных гимназиях, или, например, в Peterschule и Annenschule, молодежь училась куда тверже. Отсюда сравнительная легкость экзаменов "у Гуревича", -- этим широко пользовались маменькины сынки, лодыри в усах, сидевшие на задних партах.

Зато мы усердно читали самые разные книги и дома и в классе; учителя нам не мешали,